

КОЛЛЕКЦИЯ
СОВРЕМЕННОГО
РАССКАЗА

ВИКТОР ПЕЛЕВИН
ДМИТРИЙ ЕМЕЦ
МАРИЯ САДЛОВСКАЯ
АНДРЕЙ ГЕЛАСИМОВ
АРИАДНА БОРИСОВА
МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ
ОЛЕГ ЖДАНОВ
НИКОЛАЙ КУЦЕНКО
ЛАРИСА РАЙТ
АЛЕКСАНДР МЕЛИХОВ
АЛЕКСЕЙ ЛУКЬЯНОВ

СВОЙ ПУТЬ

СБОРНИК

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С25

Художественное оформление серии *С. Власова*

Свой путь : сборник. — Москва : Издательство «Э»,
С25 2017. — 352 с. — (Коллекция современного рассказа).

ISBN 978-5-699-94621-1

У каждого человека — собственный путь и возможность выбирать между добром и злом, бескорыстием и выгодой, правдой и ложью. Героиня рассказа Марии Метлицкой поставлена в чрезвычайные обстоятельства — по словам врачей, жить ей осталось совсем недолго. Именно сейчас она должна оценить, что по-настоящему для нее важно. Свой выбор совершают и герои Виктора Пелевина, Дмитрия Емца и других современных писателей, чьи рассказы вошли в сборник.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Емец Д., 2017
© Пелевин В., 2017
© Борисова А., 2017
© Метлицкая М., 2017
© Мелихов М., 2017
© Розенблит М., 2017
© Жданов О., 2017
© Куценко Н., 2017
© Райт Л., 2017
© Геласимов А., 2017
© Лукьянов А., 2017
© Оформление
ООО издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-94621-1

ВИКТОР ПЕЛЕВИН

.....

ГРЕЧЕСКИЙ ВАРИАНТ

There ain't no truth on Earth, man,
there ain't none higher neither¹.

Hangman's Blues

Вадик Кудрявцев, основатель и президент совета директоров «Арго-банка», был среди московских банкиров вороной ослепительно белого цвета. Во-первых, он пришел на финансовые поля обновленной России не из комсомола, как большинство нормальных людей, а из довольно далекой области — театра, где успел поработать актером. Во-вторых, он был просто неприлично образован в культурном отношении. Его референт Таня любила говорить грамотным клиентам:

— Вы, может, знаете — был такой поэт Мандельштам. Так вот, он писал в одном стихотворении: «Бессонница, Гомер, тугие паруса — я список кораблей прочел до середины...» Это, значит, из «Илиады», про древнегреческий флот в Средиземном море. Мандельштам только до середины дошел, а Вадим Степанович этот список читал до самого конца. Вы можете себе представить?

---

¹ «Нет правды на земле, но нет ее и выше». *Тютчев*.

Особенно сильно эти слова поразили одного готового на все филолога, искавшего в «Арго-банке» кредитов (он хотел издать восьмитомник комиксов по мотивам античной классики). Дослушав Танин рассказ, он немедленно прослезился и вспомнил, как Брюсов советовал молодому Мандельштаму бросить поэзию и заняться коммерцией, но тот сослался на недостаток способностей. По мнению филолога, эти два сюжета, поставленные рядом, убедительно доказывали первенство банковского дела среди изящных искусств. Филолог клялся написать об этом бесплатную статью, но кредита ему все равно не дали. Даже самая изысканная лесть не могла заставить Вадика Кудрявцева начать бизнес с недотепой — прежде всего он был прагматиком.

Прагматизм, соединенный со знанием системы Ста-ниславского, и помог ему выстоять в инфернальном мире русского бизнеса. С профессиональной точки зрения Кудрявцев был великолепно подготовлен. Он владел английским языком, понятиями и пальцовкой — в этой области он импровизировал, но всегда безошибочно. Он умел делать стеклянные глаза человека, опаленного знанием высших государственных тайн, и был неутомимым участником элитных секс-оргий, где устанавливаются самые важные деловые контакты. Он мог, приняв на грудь два литра «Абсолюта», подолгу париться в бане со строгими седыми мужиками из алюминиево-космополитических или газово-славянофильских сфер, после чего безупречно вписывал свой розовый «Линкольн» в повороты Рублевского шоссе на ста километрах в час.

Вместе с тем Кудрявцев был человеком с явными странностями. Он был равнодушен ко всему античному — причем до такой степени, что многие подозревали его в легком помешательстве (видимо, поэтому приблуд-

ный филолог и решил обратиться к нему за кредитом). Говорили, что надлом произошел с ним еще при работе в театре, во время проб на роль второго пассивного сфинкса в гениальном «Царе Эдипе» Романа Виктюка. В это трудно поверить — как актер Кудрявцев был малоизвестен и вряд ли мог заинтересовать мастера. Скорее всего, этот слух был пущен имиджмейкером, когда на Кудрявцева уже падали огни и искры совсем иной рампы.

Но все же, видимо, в его прошлом действительно скрывалась какая-то тайна, какой-то вытесненный ужас, связанный с древним миром. Даже название его банка заставляло вспомнить о корабле, на котором предприниматель из Фессалии плывал не то по шерстяному, не то по сигаретному бизнесу. Правда, была другая версия — по ней слово «арго» в названии банка употреблялось в значении «феня».

Причиной было то, что Кудрявцев, услышав в Америке про мультикультурализм, активно занялся поисками так называемой identity и в результате лично обогатил русский язык термином «бандир», совместившим значения слов «банкир» и «бандит». А мелкие сотрудники банка уверяли, что причина была еще проще — свое дело Кудрявцев начинал на развалинах «Агробанка», и на новую вывеску не было средств. Поэтому он просто велел поменять местами две буквы, заодно избавившись от мрачно черневшего в прежнем названии гроба.

На рабочем столе Кудрявцева всегда лежали роскошные издания Бродского и Калассо со множеством закладок, а в углах кабинета стояли настоящие античные статуи, купленные в Питере за бешеные деньги, — Амур и Галатея, семнадцать веков тянущиеся друг к другу, и император Филипп Аравитянин с вырезанным на лбу гуннским ругательством. Говорили, что мраморного Фи-

липа за большие деньги пытались выкупить представители фонда Сороса, но Кудрявцев отказал.

Часто он превращал свою жизнь во фрагмент пьесы по какому-нибудь из античных сюжетов. Когда его дочерний пенсионный фонд «Русская Аркадия» самоликвидировался, он не захлопнул стальные двери своего офиса перед толпой разъяренного старичья, как это делали остальные.

Перечтя у Светония жизнеописание Калигулы, он вышел к толпе в короткой военной тунике, со скрещенными серебряными молниями в левой руке и в венке из березовых листьев. Сотрудники отдела фьючерсов несли перед ним знаки консульского достоинства (это, видимо, было цитатой из «Катилины» Блока), а в руках секретаря-референта Тани сверкал на зимнем солнце серебряный орел какого-то древнего легиона, только в рамке под ним вместо букв «S.P.Q.R» была лицензия Центробанка.

Остолбеневшим пенсионерам было роздано по пять римских сестерциев с профилем Кудрявцева, специально отчеканенных на монетном дворе, после чего он на варварской латыни провозгласил с крыльца:

— Ступайте же, богатые, ступайте же, счастливые!

Телевидение широко освещало эту акцию; комментаторы отметили широту натуры Кудрявцева и некоторую эклектичность его представлений о древнем мире.

Подобные выходы Кудрявцев устраивал постоянно. Когда сотрудников «Арго-банка» будили среди ночи мордovorоты из службы безопасности и, не дав толком одеться, везли куда-то на джипах, те не слишком пугались, догадываясь, что их просто соберут в каком-нибудь зале, где под пение флейт и сиринг председатель совета директоров исполнит перед ними уже надоевшее подобие вакхического чарльстона.

Пока странности Кудрявцева не выходили за более-менее нормальные рамки, он был баловнем телевидения и газет, и все его эскапады сочувственно освещались в колонках светской хроники. Но вскоре от его поведения стала поеживаться даже либеральная Москва конца девяностых.

Красно-желто-коричневая пресса открыто сравнивала его с Тиберием, к несчастью, Кудрявцев давал для этого все больше и больше оснований. Ходили невероятные истории о роскоши его многодневных оргий в пионерлагере «Артек» — если даже десятая часть всех слухов соответствует истине, и это слишком. Достаточно напомнить, что причиной отказа Майкла Джексона от запланированного чеченского тура был не излишне бурный энтузиазм чеченского общества, как сообщали некоторые газеты, а финансирование этого проекта «Арго-банком».

Психические отклонения у Кудрявцева начались из-за депрессии, вызванной неудачами в бизнесе. Он потерял много денег и стоял перед лицом еще более серьезных проблем. Ходят разные версии того, почему это произошло. По первой из них, причиной была заморозившая московский финансовый рынок цепь неудачных операций одного полевого командира. По другой, менее правдоподобной, но, как часто бывает, более распространенной, у Кудрявцева возник конфликт с одним из членов правительства, и он попытался опубликовать на него компромат, купленный во время виртуального сэйла на сервере в Беркли.

На это согласился только журнал «Вопросы философии», обещавший напечатать материалы в первом же номере. Кудрявцев лично приехал посмотреть гранки, но в журнале к тому времени успели произойти большие перемены. Встав при появлении Кудрявцева с медитацион-

ного коврика, новый редактор открыл сейф и вернул ему пакет с компроматом. Кудрявцев потребовал объяснений. С интересом разглядывая его расшитую павлинами тогу, редактор сказал:

— Вы, я вижу, человек продвинутый и должны понимать, что наша жизнь — не что иное, как ежедневный сбор компромата на человеческую природу, на весь этот чудовищный мир и даже на то, что выше, как намекал поэт Тютчев. Помните — «Нет правды на земле...». В чем же смысл выделения членов правительства в какую-то особую группу? И потом, разве может что-нибудь скомпрометировать всех этих людей? Да еще в их собственных глазах?

Скорее всего пакет с компроматом, так нигде и не вынырнувший, был легендой, но врагов у Кудрявцева было более чем достаточно, и он мог ожидать удара с любой стороны. Пошатнувшиеся дела вынудили его резко пересмотреть свой создавшийся в обществе имидж — особенно в связи с тем, что группировка, под контролем которой он действовал, предъявила ему своего рода ультиматум о моральной чистоплотности. «На нас из-за тебя, — сказали Кудрявцеву, — по базовым понятиям наезжают».

По совету партнеров Кудрявцев решил жениться, чтобы производить на клиентов более степенное впечатление.

Он не стал долго выбирать. Секретарша-референт Таня в ответ на его вопрос испуганно сказала «да» и убежала из комнаты. Для оформления свадьбы был нанят тот самый филолог, который хотел получить кредит на комиксы.

— Короче, поздняя античность, — сказал Кудрявцев, объясняя примерное направление проекта. — Напиши концепцию. Тогда, может, и на книжки дам.

Филолог имел отдаленное представление о древних брачных обычаях. Но поскольку он действительно был готов на все, он провел вечер над пачкой пыльных хрестоматий и на следующий день изготовил концепт-релиз. Кудрявцев сразу же снял главный зал «Метрополя» и дал два дня на все приготовления.

Как водится, он дал не только время, но и деньги. Их было более чем достаточно, чтобы за этот короткий срок оформить зал. Кудрявцев выбрал в качестве основы врубелевские эскизы из римской жизни. Но филологу, разработавшему проект, этого показалось мало. В нем, видимо, дремал методист — не в смысле религии, а в смысле оформления различных праздников. Он решил, что верней всего будет провести ритуал так, как описано в древних источниках. Единственное описание он нашел в «Илиаде» и, как мог, приспособил его к требованиям дня.

— Было принято собирать лучших из молодежи и устраивать состязания перед лицом невесты, — сообщил он Кудрявцеву. — Мужа выбирала она сама. Этот обычай восходит к микено-минойским временам, а вообще здесь явный отпечаток родоплеменной формации. На самом деле, конечно, жених был известен заранее, а на состязании главным образом жрали и пили. Потом это стало традицией у римлян. Вы ведь знаете, что Рим эпохи упадка был предельно эллинизирован. И если существовал греческий вариант какого-либо обряда...

— Хорошо, — перебил Кудрявцев, поняв, что филолог может без всякого стыда говорить так несколько часов подряд. — Соберу людей. Заодно и перетрем.

И вот настал день свадьбы. С раннего утра к «Метрополю» съехались женихи на тяжелых черно-синих «Мерседесах». Им объяснили, что свадьба будет не-

сколько необычной, но большинству идея понравилась. Пока гости сдавали оружие и переодевались в короткие разноцветные туники, сшитые в мосфильмовских мастерских, холл «Метрополя» напоминал не то титанический предбанник, не то пункт санобработки на пятизвездочной зоне.

Возможно, гости Кудрявцева с такой веселой легкостью согласились стать участниками еще неясной им драмы именно из-за обманчивого сходства некоторых черт происходящего с повседневной рутинной. Но, когда приготовления были закончены и женихи вошли в пиршественный зал, у многих в груди повеяло холодом.

— Почему темно так? — спросил Кудрявцев. — Халтура.

На самом деле древнеримский интерьер был воссоздан с удивительным мастерством. На стенах, задрапированных синим бархатом с изображениями Луны и светил, висели доспехи и оружие. По углам курились треножники, одолженные в Пушкинском музее, а ложа, где должны были возлежать участники оргии, упиралась в длинный стол, убранство которого заставило бы любого ресторанного критика ощутить все ничтожное бессилие человеческого языка. И все же в этом великолепии чувствовалось нечто неизбежно мрачное.

Услышав слова Кудрявцева, крутившийся вокруг него филолог в розовой тунике отчего-то заговорил о приглашенном громе, который молодой Набоков различал в русских стихах начала века. По его мысли, если в стихах было эхо грома, то в эскизах Врубеля, по которым был убран интерьер, был отсвет молнии, отсюда и грозное величие, которое...

Кудрявцев не дослушал. Это, конечно, было полной ерундой. На самом деле зал больше всего напоминал ноч-

ной Новый Арбат с горящими огоньками иллюминации, так что опасаться было нечего. Справившись со своими чувствами, он отпихнул филолога ногой и принял из рук мальчика-эфиопа серебряную чашу с шато-дю-прере.

— Веселитесь, ибо нету веселья в царстве Аида, — сказал он собравшимся и первым припал губами к чаше.

Таня сидела на троне у стены. Наряд невесты, описанный у Диогена Лаэртского, был воспроизведен в точности. Как и положено, ее лицо покрывал толстый слой белой глины, а пеплум был вымазан петушиной кровью. Но ее головной убор не понравился Кудрявцеву с первого взгляда. В нем было что-то глубоко совковое — при цезаре Брежнев в такие кокошники одевали баб из фольклорных ансамблей. Подбежавший филолог стал божиться, что лично сверял выкройки с фотографиями помпейских фресок, но Кудрявцев тихо сказал:

— О кредите забудь, гнида.

Под взглядами женихов Таня совсем пригорюнилась. Она уже десять раз успела пожалеть о своем согласии и теперь мечтала только о том, чтобы происходящее быстрее кончилось. На лица собравшихся она старалась не смотреть — ее глаза не отрывались от огромного бюста Зевса, под которым было смонтировано что-то вроде вечного огня на таблетках сухого спирта.

«Господи, — неслышно шептала она, — зачем все это? Я никогда тебе не молилась, но сейчас прошу — сделай так, чтобы всего этого не было. Как угодно, куда угодно — заberi меня отсюда...»

На Зевса падал багровый свет факелов, тени на его лице подрагивали, и Тане казалось, что бог шепчет что-то в ответ и успокаивающе подмигивает.

Довольно быстро собравшиеся напились. Кудрявцев, наглотававшийся каких-то таблеток, стал маловменяем.

— Пацаны! Все знают, что я вырос в лагере, — повторял он слова Калигулы, обводя расширенными зрачками собравшихся.

Сначала его понимали, хоть и не верили. Но когда он напомнил собравшимся, что его отец — всем известный Германик, люди в зале начали переглядываться. Один из них тихо сказал другому:

— Не въеду никак. Отец у нас всех один, а кто такой Германик? Это он про Леху Гитлера из Подольска? Он че, крышу хочет менять? Или он хочет сказать, что на германии поднялся?

Возможно, поговори Кудрявцев в таком духе чуть подольше, у него возникли бы проблемы. Но, на свое счастье, он вовремя вспомнил, что нужно состязаться за невесту.

До этого момента у трона, где сидела Таня в своем метакультурном кокошнике, по двое-трое собирались женихи и говорили о делах, иногда шутливо пихая друг друга в грудь. Назвать это состязанием было трудно, но Кудрявцев был настроен серьезнее, чем формальные претенденты. Растолкав женихов, он поднял руку и дал знак музыкантам.

Умолкли флейты, замолчал переодетый жрецом Кибелы шансонье Семен Подмосковный, до этого певший по листу стихи Катулла. И в наступившей тишине, нарушаемой только писком сотовых телефонов, гулко и страстно забил тимпан.

Кудрявцев пошел по кругу, сначала медленно, подолгу застывая на одной ноге, а потом все быстрее и быстрее. Его правая рука со сжатой в кулак ладонью была выставлена вперед, а левая плотно прижата к туловищу. Сначала в этом действительно ощущалось нечто античное, но Кудрявцев быстро впал в экстаз, и его движения потеряли всякую культурную или стилистическую окрашенность.

Его танец, длившийся около десяти минут, был не-описуемо страшен. В конце он упал на колени, откинулся назад и принялся бешено работать пальцами выброшенных перед собой рук. Туника задралась на его мокром животе, и отвердевший член, раскачиваясь в такт безумным рывкам тела, как бы ставил восклицательные знаки в конце кодированных посланий, отправляемых в пустоту его пальцами. И во всем этом была такая непобедимая ярость, что женихи дружно попятились назад. Если у кого-то из них и были претензии по поводу слов, произнесенных Кудрявцевым несколько минут назад, они исчезли. Когда, обессилев, он повалился на пол, в зале надолго установилась тишина.

Открыв глаза, Кудрявцев с удивлением понял, что женихи смотрят не на него, а куда-то в сторону. Повернув голову, он увидел человека, которого раньше не замечал. На нем была ярко-красная набедренная повязка и черная майка с крупной надписью «God is Sexy». Эта майка, не вполне вписывавшаяся в стилистику вечера, уравновешивалась сверкающим гладиаторским шлемом, похожим на комбинацию вратарской маски с железным сомбреро. За спиной у человека был тростниковый колчан, полный крашенных охрой стрел. А в руках был неправдоподобно большой лук.

— Объявись, братуха, — неуверенно сказал кто-то из женихов. — Ты кто?

— Я? — переспросил незнакомец глухим голосом. — Как кто? Одиссей.

Первым кинулся к дверям все понявший филолог. И его первого поразила тяжелая стрела. Удар был настолько силен, что беднягу сбило с ног, и, конечно, сразу же отпали все связанные с восьмитомником вопросы. Пока женихи осмыслили случившееся, еще трое из них,